

АЛЕКСЕЙ
ЛЕВИНСОН

Отношение к будущему в прошлом и в настоящем

Вопрос об отношении наших соотечественников к будущему давно занимал команду, созданную Юрием Левадой. Приступив в 1988 году к изучению общественного мнения в СССР, а с 1991-го в Российской Федерации, мы застали кризис первой картины будущего – той, которую предлагало советское государство: оно называло его «коммунизмом». В начале 1990-х мы стали свидетелями кризиса второй картины будущего, которую предлагали так называемые «демократы»: Россия как нормальное демократическое государство с рыночной экономикой входит в «семью европейских народов». Третьей уже никто не предлагал, и довольно быстро фрустрацию по этому поводу заменило то, что

**СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА**

Лев Гудков назвал «абортом будущего»: данная категория исчезла из публичного дискурса¹.

В первые путинские каденции тема будущего не была в фокусе общественного внимания: пресловутая «стабильность», по сути, была убеждением, что «как есть, так и будет». Многих это, если им и не нравилось, то устраивало. Последующий отказ от будущего происходил уже по другим основаниям: надежды (или опасения) на вхождение в «семью европейских народов» были вытеснены представлениями о собственном величии, которые явно проявились на фоне конфликта в Грузии (2008) и достигли пика с присоединением Крыма (2014). Охватившего публику восторга хватало на четыре года.

Правда, ситуацию, которая начала тогда складываться, по некоторым признакам можно было считать предвоенной². Опросы той поры часто указывали на опасения, что начнется война (в Украине считали, что она уже идет; в России такого мнения придерживались немногие). А фокус-группы показывали, что это не только опасения, но и нечто вроде согласия на войну (говорили о войне и с Украиной, и с НАТО, и даже о гражданской войне в России). Формировалось ожидание, что война как тотальное нарушение всех обычных норм разрешит множество накопившихся противоречий, «неправильностей» жизни – «все спишет».

Строго говоря, желали не войны, а *стояния войны*: его было бы достаточно для такого очищающего эффекта. Но по-

скольку в реальность эти мечтания преворяли лишь те немногие, кто добровольно ехал на восток Украины, то для остальных это были лишь чувствования, томления сидящих в идеологических траншеях и спрятавшихся от враждебного мира. Будущего они не ждали.

Совсем иное окошко в будущее открыли для себя люди, которые – неожиданно для всех и для самих себя – вышли с объятиями навстречу приехавшим со всего мира болельщикам на Чемпионат мира по футболу (2018). Воцарились легкость и открытость, Америку перестали считать врагом, и оказалось, что это тоже выход, сброс томительных напряжений. Замаячила иная жизнь.

Но Чемпионат еще шел, когда в правительстве и парламенте решили под шумок увеличить срок выхода на пенсию³. Подписав этот закон, президент вмешался в личное будущее десятков миллионов людей, у которых впереди был этот рубеж. Гнев их был велик; в этих возрастных группах его рейтинг рухнул, а Путин не любит, когда его не любят. Пошли новые закручивания гаек, вспыхнувший свет угас. Далее началась подготовка к голосованию 2020 года. О том, что за будущее сулят эти поправки к Конституции, граждане, в общем, догадывались: продолженное в бесконечность настоящее.

Отсутствие собственной идеи будущего у россиян не волновало тогдашних политиков. Исключением были попытки самого чуткого среди них предложить «прекрасную Россию будущего». Но эти

1 Подчеркнем: публичного. В сфере личных отношений будущее как категория существовало и выполняло свою роль в конструировании людьми своей жизни, жизни своих детей.

2 Левинсон А., Гончаров С. *Война вместо будущего – выход для аномического сознания* // Вестник общественного мнения. 2015. № 3-4(121).

3 Экономисты-теоретики, безусловно, заботились о будущем страны, учитывали неблагоприятную демографическую ситуацию и ориентировались на опыт других стран по увеличению категории «трудоспособный возраст». Но, как это было и в 2005 году со столь же рационально рассчитанной «монетизацией льгот пенсионерам», экономисты, не имея собственного социального чутья, не слушали социологов. А те предупреждали: люди вашу рациональную логику не поймут и не примут. Так оно и вышло.

идеи имели гораздо меньший успех, чем его призывы к протестам в немедленном настоящем.

После 2020 года опять пошли разговоры, что Путин и его окружение ни о чем не думают, кроме как остаться на своем месте – то есть опять лишают Россию будущего, обрекают ее на стагнацию, от которой все уже устали. Такой взгляд представляется не вполне верным. Во-первых, то бегство из России, которое началось после 24 февраля 2022 года, показало, что в сравнении с перспективами милитаризации, мобилизации и прочего стагнация устраивала не только пропутинское большинство, но и имевшее другие взгляды меньшинство (не будь СВО, не стали бы они уезжать – ворчали бы, молчали, но сидели бы на месте, продолжая делать свое дело). Во-вторых, ход событий с конца 2021 года и далее указывает на то, что Путин и его ближайшее окружение именно о будущем и думали. Причем о будущем не только собственном, но и России, представлявшимся им как возвращенное прошлое – «великий могучий Советский Союз».

Идея вернуться в СССР разделялась не только этой небольшой группой пожилых политиков. Наши исследования показывали, что к тому времени она находила широкую поддержку как у старших поколений, так и у поколений детей и внуков. Однако то была поддержка на словах, без стремления к практическому воплощению – поэтому ее вполне можно считать «национальной идеей», мечтой, которая и должна оставаться таковой, а не становится конкретной политической целью. В качестве широко разделяемой мечты она способна консолидировать общество и выполнять много других функций, полезных если не для него самого, то во всяком случае для верховной власти.

Но Путин, видимо, решил войти в историю как воплотитель национальной мечты. Западу она была ультимативно предъявлена как требование восстановить геополитический расклад в Европе и мире, сложившийся к концу XX века. «Общенародность» мечты, видимо, наделяла Путина чувством исторической правоты, а также надеждой, что на Западе его не только испугаются, но и поймут, и отступят. Тогда новый Союз – Великой, Белой и Малой Руси – раскинется самой большой страной полушария. А это на века, навсегда. Прекрасное будущее – вот оно...

Но Запад уважить нашу мечту отказался, ультиматум посмел не принять. Что делать? Отступить? Нет. Не хотят отдать нам будущее добром, возьмем силой. Молниеносным ударом решим судьбу мира.

Известно, что было дальше. Надежд на скорую победу сейчас нет ни у одной из сторон. С перспективой перемирия большие неясности. Зато на судьбы мира повлиять в самом деле удалось. Глобальное потепление – кто теперь его назовет главной проблемой? Запрет на распространение ядерного оружия – какие новости? Рождаемость в двух крупнейших странах Европы – как с нею?

А что с настроениями российской публики? Свою «терапевтическую» роль конфликт уже оказал, а вот «настоящим» для основной части российского населения он еще не стал. Те, кто убит, кто на фронте, кто в прифронтовых регионах, пока не столь многочисленны, чтобы у большинства возникло ощущение общенациональной беды, катастрофы.

Специально отметим: в первые месяцы после начала СВО те, кто поражен был невозмутимости российского массового сознания, говорили: вот пойдут гробы, пойдут «двухсотые», настроения резко

изменяться. «Двухсотые» пошли, их уже немало, по меркам малых и даже средних городов, – и какова же реакция? Экономисты отмечают: приток денег, которые получают семьи за погибших и которые присылают еще воюющие живые, заметно оживил местный торговый оборот. Эффект покупки государством жизней у подданных – раньше такого не было! – оказался во всяком случае ощутимым. Приходящие в семьи деньги столь значительны, что позволяют строить именно что будущее: брать ипотеку, отправлять детей учиться. Самоотверженность отцов и сыновей, готовых ценой собственной жизни оплатить будущее своих семей, была бы похвальна, если бы к этой цене не добавлялись жизни тех отцов и сыновей, которые они отнимут.

Антропологи и демографы сетуют, что в последние десятилетия цена человеческой жизни в российском обществе остается невысокой. При нашей – низкой – рождаемости цена жизни индивида должна была бы резко повыситься – однако она осталась на уровне, свойственном эпохе многодетности. В России велика мужская смертность от «неестественных причин», сохраняется идеология военных и штатских начальников, до сих пор убежденных, что экономить «живую силу» не нужно, ведь «бабы новых нарожают» (если не будут пользоваться контрацептивами, добавляют они). Большие деньги, которые стали платить за участие в боевых действиях, и очень большие – за увечья и гибель, вроде бы повысили цену жизни. Нет, они повысили цену смерти. Появились расчеты, которые показывают, что для мужчины средних лет повоевать полгода и погибнуть – значит, принести своей семье столько денег, сколько он не принес бы за всю свою трудовую жизнь. Цена смерти выше цены жизни.

Возможно, описанные выше факторы влияют на то, что массовых антивоенных выступлений в России не видно. Желание «перейти к мирным переговорам» вместо «продолжения военных действий», выражаемое в нынешнем июле 51% опрошенных, – это не протест против текущей ситуации. Ведь 60% считают, что СВО продвигается «успешно».

Но почему рост числа «двухсотых» не сказался на массовых настроениях? Возможно, фактором более существенным, чем деньги, здесь оказался сам статус контрактника в массовом восприятии. Еще в афганскую войну наши исследования показали, что отношение к участию в военных действиях призывников, срочников, с одной стороны, и кадровых военных, с другой, было у российской публики совершенно различным. Призывники, «наши мальчики», не должны идти на войну и там гибнуть, посылать их туда преступление – так звучали голоса общественности. А вот по поводу «профессиональных» военных таких голосов слышно не было. Почему? А потому, что «это их работа», они добровольно (так считалось) ее выбрали, и смерть, значит, также была ими выбрана добровольно.

С самого начала СВО наблюдатели говорили – кто с изумлением, кто с возмущением или даже одобрением, – смотрите: жизнь в российских городах идет как ни в чем не бывало. Люди развлекаются, гуляют, рестораны полны. Потом стали указывать, что и политика местных властей поддерживает эти настроения: устраиваются разные празднества, а на них акцентируется не военно-патриотическая нота, а сугубо мирная и беззаботная.

Эти наблюдения вкупе с данными опросов позволяют сказать, что сбылось то, что мы заметили еще в 2015 году. Война

«на удаленке» оказалась не общей бедой, а общим целителем разных социальных немощей и разрешителем социальных коллизий. Сравним настроения

(по данным «Левада-центра»⁴) декабря 2021 года, за два месяца до начала СВО; апреля 2022-го, через два месяца после ее начала, и июля 2023-го:

	Декабрь 2021 года	Апрель 2022 года	Июль 2023 года
Считаете ли вы, что дела в стране идут сегодня в целом в правильном направлении, или вам кажется, что страна движется по неверному пути?			
<i>Дела идут в правильном направлении</i>	48%	66%	66%
<i>Страна движется по неверному пути</i>	44%	24%	23%
Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту президента России?			
<i>Одобряю</i>	65%	82%	82%
<i>Не одобряю</i>	34%	17%	15%
Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность правительства России?			
<i>Одобряю</i>	49%	68%	69%
<i>Не одобряю</i>	49%	29%	23%
Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Государственной Думы России?			
<i>Одобряю</i>	41%	58%	58%
<i>Не одобряю</i>	58%	38%	35%

Заметим: благорасположение россиян распространилось не только на верховного главнокомандующего, но и на обычно нелюбезные их сердцу правительство и парламент. И если в конце 2021 года в будущее – свое и России – с беспокойством смотрели 57% и 61% соответственно, то СВО от этого

излечила. В июле 2023-го «уверенность в завтрашнем дне» декларировали 62%. Они уверены, что ситуация останется такой же, какую они видят все эти месяцы. Мира не ждут, 48% полагают, что военные действия продлятся «не менее года». Их эта перспектива устраивает. Пока устраивает.

4 АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – Примеч. ред.